

УДК 930

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-33-36

ПАМЯТИ ВИКТОРА МОИСЕЕВИЧА ПАНЕЯХА**М. М. Кром**Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
krom@eu.spb.ru

В мемориальной заметке характеризуется личность и профессиональный путь видного представителя петербургской исторической школы В.М. Панеяха. Рассматриваются его влияние на молодых историков, принципы работы с историческими источниками, дается оценка его роли в становлении исторического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге. Затрагивается такая область профессиональных интересов В.М. Панеяха, как драматичная история «петербургской исторической школы».

Ключевые слова: В.М. Панеях, Европейский университет в Санкт-Петербурге, петербургская историческая школа, Б.А. Романов.

«Когда уходит из жизни крупный ученый, память о нем хранят его ученики, друзья и коллеги. Но и с их уходом она постепенно угасает. Для новых поколений их предшественник предстает только как автор книг и статей – не больше того. Иногда его труды становятся объектами различных историографических интерпретаций. Еще реже о творческом пути рассказывают несколько небезошибочных статей. Остается непроявленным многое необходимое для понимания неповторимой личности», – этими словами В. М. Панеях начал книгу о своем учителе – Борисе Александровиче Романове [Панеях, 2000, с. 5]. Увы, теперь эти грустные строки звучат так, словно они написаны о самом Викторе Моисеевиче: 19 июля 2017 г. он ушел из жизни. Ему было 87 лет...

Я не готов дать сейчас итоговую оценку того вклада – несомненно, значительного, который внес в науку В. М. Панеях: полагаю, что его ученики и специалисты в предметных областях, в которых он работал на протяжении своей долгой жизни (история холопства XVI–XVII в., Пугачевское восстание, судьбы отечественной исторической науки в XX в.), сделают это лучше меня [Вовина-Лебедева, 2006, с. 16–34; Ананьич, Фурсенко, 2006, с. 9–12; Зимин, 2006, с. 13–15; Виктор Моисеевич Панеях..., 2010]. Не пришло еще время и для написания подробной биографии Виктора Моисеевича: для этого необходим доступ к его личному архиву, который еще не поступил на общественное хранение. Цель этих кратких заметок гораздо скромнее: я хотел бы поделиться воспоминаниями о встречах с этим замечательным человеком, общение с которым немало способствовало моему профессиональному становлению как историка.

Случай поближе познакомиться с Виктором Моисеевичем представился мне в середине 1990-х гг.: до этого я, конечно, много раз видел его в коридорах Института истории на Петрозаводской улице и на заседаниях Отдела древней истории, где я в 1989–1993 гг. учился в заочной аспирантуре, но повода для неформального общения не возникало. Сказывались, разумеется, и большая разница в возрасте, и дистанция между вчерашним аспирантом и маститым ученым. А зимой 1996 г. он пригласил меня к себе домой для разговора о моем возможном преподавании на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге. Речь шла о создании нового учебного заведения: Виктору Моисеевичу как декану-организатору было поручено написание аспирантской программы по истории и подбор преподавательских кадров. В сентябре 1996 г. первая «когорта» аспирантов приступила к занятиям в ЕУСПб, а в моей творческой и человеческой судьбе открылась новая и счастливая страница, за что я, конечно, безмерно благодарен Виктору Моисеевичу.

Составленная В. М. Панеяхом программа обучения на факультете истории ЕУСПб была тщательно продумана и отличалась внутренней цельностью. Поскольку она была предназначена для занятий с аспирантами и подготовки их к самостоятельной научной работе, акцент был сделан на источниковедении и историографии. Примечательно, что в первые годы в программе не было курсов по советской истории: Виктор Моисеевич объяснял это отсутствием на тот момент (середины 1990-х гг.) в отечественной историографии работ по данному периоду, отвечавших высоким академическим требованиям. Впоследствии, конечно, указанная лакуна была заполнена; со временем деканы, руководившие факультетом после Виктора Моисеевича, вносили в программу все но-

вые и новые курсы, и в итоге она стала разнообразнее, но былую стройность, на мой взгляд, потеряла...

Сам Виктор Моисеевич читал на факультете курсы по археографии, дипломатике и истории отечественной исторической науки 20–50-х гг. XX в. В течение ряда лет мне довелось вместе с ним вести диссертационный семинар, и это была хорошая школа не только для аспирантов, но и для меня самого.

Помню, как трепетали молодые историки, вынося на строгий суд В. М. Панеяха свои незрелые творения. Объектом его критики становились бездумные описательные работы: если в тексте не была поставлена серьезная научная проблема и все сводилось к перечислению каких-то несущественных деталей, Виктор Моисеевич ехидно называл это «отцеживанием комара». В работе с источниками он требовал полной прозрачности: каждый цитируемый документ должен быть назван и проанализирован. Если вместо названия документа внизу страницы красовался только архивный шифр, то такой прием Виктор Моисеевич именовал «глухой сноской» и считал большим недостатком.

Еще он боролся с «архивным фетишизмом» и поднимал на смех весьма распространенное деление источников на архивные и опубликованные: «разве природа источника после публикации меняется?» – задавал Виктор Моисеевич риторический вопрос. Ну а за цитирование уже изданных документов не по публикациям, а по архивным рукописям он критиковал не только начинающих, но и видных историков¹.

Виктор Моисеевич был требователен и к стилю изложения: не терпел слов-паразитов. Особое раздражение мэтра вызывало злоупотребление словом «достаточно» («достаточно много» и т.д.): «Кому достаточно?» – ядовито спрашивал он.

В свое время откровением для меня стало мнение Виктора Моисеевича о том, что заключение книги или диссертации не должно содержать повторения наблюдений и выводов, уже сделанных в основном тексте. По его убеждению, уж если писать заключение, то нужно обязательно высказать какую-то новую мысль, перебросить «мостик» к будущему исследованию и т.д.

Сочетание острого, критического ума, высокого профессионализма, исторической и общекультурной эрудиции с искренним интересом и доброжелательным отношением к людям делало Виктора Моисеевича замечательным наставником для молодых ученых.

Период преподавания в ЕУСПб совпал с обновлением тематики исследований Виктора Моисеевича: на первый план в его работах вышло изучение отечественной историографии XX в. и особенно – трагической судьбы направления, которое он и многие его коллеги называли «петербургской исторической школой».

Должен признаться, что это понятие, получившее распространение в 1990-х и начале 2000-х гг. [Каганович, 1995; Панеях, 2005, с. 152 – 165; Ананьич, Панеях, 2000, с. 105–113], представляется мне чересчур широким и потому весьма расплывчатым. Можно ли таких разных ученых, как С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле, причислять к одной школе на том основании, что они в начале XX в. жили и работали в Петербурге? На неоднородность петербургской среды историков уже обращалось внимание в литературе. В частности, ученик В. М. Панеяха Е. А. Ростовцев различает внутри петербургской исторической школы два направления – эмпирическое, представленное С. Ф. Платоновым и его учениками, и теоретическое, основанное А. С. Лаппо-Данилевским [Ростовцев, 2004].

Вообще противопоставление научных сообществ по географическому принципу и приписывание каждому из них особых свойств (например, петербургским историкам – преимущественного внимания к источникам, а их московским коллегам – склонности к созданию социологических схем) выглядит явным упрощением. Более того, лидеры двух противопоставляемых школ, С.Ф. Платонов в Петербурге и В. О. Ключевский в Москве, являют собой наглядный контрпример, поскольку оба ученых, как известно, сочетали источниковедческие штудии с масштабными концептуальными построениями.

Впрочем, критерии выделения научных школ – сложная проблема и ее обсуждение увело бы нас далеко от цели этого небольшого очерка – попытки передать некоторые черты неповторимой личности Виктора Моисеевича, а также осмыслить его опыт изучения и проживания истории. Поэтому мне кажется важным поставить вопрос о петербургской исторической школе в несколько иной плоскости: почему Виктор Моисеевич и его коллеги и единомышленники в постсоветский

период так настойчиво привлекали внимание к этой школе и подчеркивали заслуги ее выдающихся представителей, прежде всего – своего учителя Б. А. Романова?

Думается, таким путем в первую очередь восстанавливалась связь времен, а советский период отечественной историографии представлялся теперь не концом «старой школы» историков (как принято было считать еще недавно), а лишь эпохой тяжелых испытаний, в которых школа тем не менее выжила и передала эстафету новым поколениям ученых.

Немаловажно и другое: жизненный опыт Виктора Моисеевича и его соратников – учеников Б. А. Романова приучил их видеть в созданной Учителем школе способ существования в науке. Учитель дал каждому из своих учеников тему, научил приемам научного исследования и, как мог, старался помочь их трудоустройству. А после смерти Бориса Александровича (1957) на протяжении многих десятилетий члены «романовской дружины» (Н. Е. Носов, А. А. Фурсенко, Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях, Б. В. Ананьич) не только хранили верность заветам Учителя, но и поддерживали друг друга, во многом определяя дух и направление исследований в Ленинградском / Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Судьба В. М. Панеяха вместила в себя несколько эпох. В апреле 1949 г., будучи студентом-первокурсником ЛГУ, он стал свидетелем позорной травли уважаемых университетских профессоров. Много лет спустя Виктор Моисеевич вспоминал об этом эпизоде как об одном из самых тяжелых переживаний своей жизни. В 1956 г. он был принят в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В этом институте, неоднократно впоследствии менявшем названия, он проработал более полувека, пройдя путь от младшего до главного научного сотрудника и заведующего отделом, а в 1995–1996 гг. принял активное участие в создании Европейского университета в Санкт-Петербурге – учебного заведения нового типа, по сути небольшого аспирантского колледжа, совершенно непохожего на его собственную альма-матер. И тем не менее Виктор Моисеевич сумел передать новому поколению историков высокие принципы серьезной, строгой науки, воспринятые им от своих учителей и пронесенные через всю его долгую жизнь. Светлая ему память...

Примечания

¹ В частности, за такую манеру цитирования он критиковал в свое время В. И. Корецкого, см.: [Панеях, 2005, с. 18] (рецензия впервые напечатана в 1972 г.).

Библиографический список

- Ананьич Б. В., Панеях В. М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.
- Ананьич Б. В., Фурсенко А. А.* Историк России – В. М. Панеях // Времена и судьбы: сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 9–12.
- Виктор Моисеевич Панеях: (К 80-летию со дня рождения): Библиографический указатель трудов, 1952–2010 / сост. Е. Н. Робакова, при участии О. М. Беляевой, В. Г. Вовиной-Лебедевой, Е. А. Ростовцева. СПб. Европейский Дом, 2010. 40 с.
- Вовина-Лебедева В. Г.* Виктор Моисеевич Панеях // Времена и судьбы: сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 16–34.
- Зимин А. А.* Отрывок из воспоминаний // Времена и судьбы: сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 13–15.
- Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 136 с.
- Панеях В. М.* Закрепощение крестьян в XVI в.: Новые материалы, концепция, перспективы изучения (по поводу книги В. И. Корецкого) // Историографические этюды. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2005. С. 18–31.
- Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 446 с.
- Панеях В. М.* Яков Соломонович Лурье и петербургская историческая школа // Историографические этюды. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2005. С. 152–165.
- Ростовцев Е. А. А. С.* Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: П. А. Трибунский, 2004. 352 с.

IN MEMORY OF VICTOR MOISEEVICH PANEYAKH

M. M. Krom

European University in St. Petersburg, Gagarinskaya str., 3A, 191187, St. Petersburg, Russia
krom@eu.spb.ru

In the memorial note, the personality and professional path of the prominent representative of the St. Petersburg historical school, Victor Paneyakh, is characterized. His influence on young historians, the principles of his work with historical sources, and his role in forming the Historical Faculty of the European University in St. Petersburg, are evaluated. The author analyzes dramatic history of St. Petersburg historical school as an area of Paneyakh's professional interests.

Key words: Victor Paneyakh, European University in St. Petersburg, St. Petersburg historical school, Boris Romanov.

References

- Ananyich, B. V. & A. A. Fursenko (2006), "Istoriik Rossii – V. M. Paneyakh", in *Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyaha* [The times and destinies. A collection of articles in honor of the 75th anniversary of Viktor Moiseyevich Paneyakh]. Evropejskij Dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 9–12.
- Ananyich, B. V. & V. M. Paneyakh (2000), "About the St. Petersburg historical school and its destiny", *Otechestvennaya istoriya*, № 5, pp. 105–113.
- Kaganovich, B. S. (1995). *Evgeniy Viktorovich Tarle i peterburgskaya shkola istorikov* [Evgeny Viktorovich Tarle and the St. Petersburg school of historians], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, 136 p.
- Paneyakh, V. M. (2005), "The enslavement of peasants in the 16th century: New materials, the concept, the prospects for studying (on the book of V.I. Koretsky)", in *Istoriograficheskie etyudy* [Historiographical sketches], Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, pp. 18–31.
- Paneyakh, V.M. (2000), *Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov* [The work and life of the historian: Boris Alexandrovich Romanov], Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia, 446 p.
- Paneyakh, V.M. (2005), "Jacov Solomonovich Lurie and the St. Petersburg Historical School", in *Istoriograficheskie etyudy* [Historiographical sketches], Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, pp. 152–165.
- Ropakova, E.N., Belyaeva, O. M., Vovina-Lebedeva, V. G. & E. A. Rostovcev (2010), *Viktor Moiseevich Paneyakh: (K 80-letiyu so dnja rozhdeniya): Biobibliograficheskiy ukazatel' trudov, 1952–2010* [Victor M. Paneyakh: (To the 80-anniversary from birthday): bibliographic index of works, 1952–2010], Evropejskij Dom, St. Petersburg, Russia, 40 p.
- Rostovtsev, E. A. (2004), *A. S. Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [A. S. Lappo-Danilevskiy and Petersburg historical school], P. A. Tribunskiy, Ryazan', Russia, 352 p.
- Vovina-Lebedeva, V. G. (2006), "Viktor Moiseevich Paneyakh", in *Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyaha* [The times and destinies. The collection of articles in honor of the 75th anniversary of Viktor Moiseyevich Paneyakh], Evropejskij Dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 16–34.
- Zimin, A. A. (2005), "An excerpt from memories", in *Vremena i sud'by. Sbornik statej v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyaha* [The times and destinies. The collection of articles in honor of the 75th anniversary of Viktor Moiseyevich Paneyakh], Evropejskij Dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 13–15.